

Джамиля ГАСАНЗАДЕ,
доктор искусствоведения
Агасалим ЭФЕНДИЕВ,
доктор философии по искус-
ствоведению

ШКОЛА СУЛТАНА МУХАММЕДА

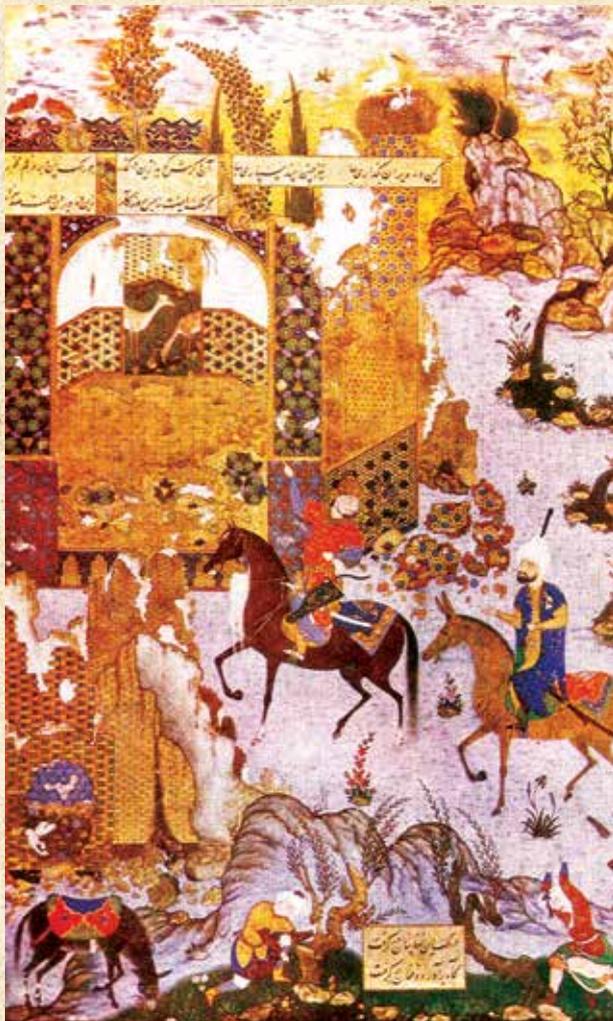
В предыдущей статье уже отмечалось, что лучшие представители тебризской школы миниатюрной живописи представлены своими работами в рукописи «Хамсе» Низами (1539—1543). Миниатюры указанного списка «Хамсе» иллюстрированы шестью выдающимися художниками этой эпохи: главой школы Султаном Мухаммедом, Мир-Мусеввиром, Ага-Миреком, Мирзой Али, Музаффаром Али и Мир Сеидом Али.

«Школа шаха Тахмасиба переработала ряд элементов, заимствованных у Бехзада и у тимуридского искусства, как, например, некоторые человеческие фигуры и животные, а также детали пейзажа и архитектурный декор. Но в целом художественная концепция далеко не бехзадовская или же взятая у какой-то другой

школы миниатюры. В самом деле, **искусство сефевидских живописцев обнаруживает в своей внутренней структуре сложность, подчинение всех элементов целому**, что и отличает его от более простого построения, основанного на согласовании всех составляющих частей, что типично для тимуридского искусства. Последнее не обладает, несмотря на все свои достоинства, этой элегантной манерностью, этим эстетическим совершенством, этой полной раскованностью рисунка, которые характеризуют высокое искусство сефевидских мастеров эпохи расцвета».

Период 1530-1545 годов знаменует апогей эволюции школы шаха Тахмасиба. **Живопись достигает такого уровня совершенства, какого никогда прежде не знала, и с которым**

Мир-Мусеввир. «Нуширван и совы»

может сравниться лишь тимуридское искусство предшествующего столетия. Прекраснейшие иллюстрированные рукописи стремительно сменяют одна другую. Эту живописную серию открывает «Диван» Хафиза, созданный в шахской библиотеке около 1533 года для Сам-Мирзы, брата шаха. В миниатюрах Султана Мухаммеда отчетливо виден полный отход от принципов и формул, выработанных Бехзадом, и «Сцена попойки» является тому прекрасным примером. Это миниатюра - **важнейшее из творений Султана Мухаммеда, она характеризуется подчеркнутым реализмом**, переходящим подчас в гротеск, более масштабной композицией, большей насыщенностью фигурами и другими изобразительными элементами, большей эмоциональностью и более мощным динамизмом.

Мир-Мусеввир в этом роскошном экземпляре «Хамсе» принадлежит одна миниатюра на сюжет «**Нуширван и совы**» в поэме Низами

«Сокровищница тайн». Весьма оригинальная по композиции и разработке отдельных деталей, эта миниатюра иллюстрирует один из очень поучительных рассказов Низами. Однажды сасанидский царь Нуширван, увлекшись охотой, отдалается от своей свиты. В сопровождении лишь одного из визирей царь подъезжает к разрушенной деревне; на одной из разрушенных стен они видят двух сов. От криков сов, разносившихся над этими жуткими развалинами, царю становится не по себе, и он спрашивает визиря, о чем они говорят. Тот отвечает, что одна из сов выдает свою дочь замуж и требует в качестве платы эту разрушенную деревню и еще несколько подобных деревень из окрестностей. Другая отвечает, что выполнить эту просьбу не составит труда, ибо пока жив царь Нуширван, народ будет и дальше бедствовать и нищать, и поэтому недостатка в разоренных селениях не будет.

Здесь поэт устами мудрого визиря обличает злоупотребления и несправедливость государей прошлого, в иносказательной форме призывая современных ему правителей быть справедливыми, дать народу свободу и процветание. Смысл жизни царей, по Низами, не в пирах, охотах и наслаждениях, а в служении народу и прославлении себя добрыми делами.

На полной повествовательности миниатюре, иллюстрирующей этот сюжет, изображены на конях Нуширван и его визирь, движение которых остановили голоса сов, сидящих на руинах некогда пышного дворца. Нуширван, вооруженный луком и стрелами в колчане, сидит на красном коне, а едущий следом визирь — на серовато-желтом муле. На возвышенной части развалин заброшенного дворца уже свил гнездо аист, здесь выведены птенцы. Два других аиста летят в облачном небе, один из них несет в гнездо птенцам убитую змею. С верхней части арки свисают живые змеи, украдкой подползающие к гнезду аиста. На самом вершине портала разрушенного дворца сидят две совы. Элементы пейзажа скомпонованы со вкусом: громоздящаяся красочная скала с деревом, под которым на камнях кустик, сплетение ветвей деревьев и т. д. В ярких красках даны и костюмы персонажей, весьма достоверны их доспехи и орудия труда. На некоторых местах руин дворца обнажились облицовочные плиты, оголилась стена и видна

Мирза Али. Борбад играет для Хосрова

кирпичная кладка.

Эта жизнерадостная по колориту миниатюра, сочетающая реалистичное изображение фауны и флоры со сказочностью и декоративностью восприятия, **характеризует новый стиль тебризской миниатюры. Но условно-декоративная манера ее не раскрывает идею литературного произведения**, направленного против разрушительных войн, причиняющих людям бедствия (3, с.231-2).

Чрезвычайный интерес представляет неподписанная миниатюра из этой рукописи, **изображающую дуэль между мудрецами-соперниками — Эсхилом и Эврипидом**. Как следует из поэмы «Сокровищница тайн», соперники должны были состязаться в изощренном изготовлении яда для оппонента: один дал своему противнику отравленную пилюлю, а другой сорвал для соперника розу. Первый мудрец, подозрительно следивший за действиями соперника, умер от страха, еще не понюхав розу, второй же, спокойно выпив яд, остался невредим.

Далекая от раскрытия идейного содержания стихов поэта, композиция миниатюры необычайно декоративна. Автор **и в этой миниатюре большое внимание уделяет красоте природы**. Верхнюю часть композиции занимают цветущие деревья, вытянутые кипарисы, кусты и птички. Вдали за горой виден по грудь придворный служитель (паж), придерживающий коня с удлиненной кисточкой на шее, что свидетельствует о принадлежности его знатному хозяину, который на миниатюре сидит под особым балдахином. Своеобразное состязание соперников-мудрецов наблюдают собравшиеся гости, перед которыми поставлены блюда с фруктами и разными яствами. Обстановку, характерную для придворной жизни, подчеркивают изображенные за правой группой сидящих гостей сокольников и прислужник, подающие напитки. На переднем плане - мудрецы-соперники. Тот, что постарше, уже упал замертво и лежит, уронив поданный ему другим мудрецом букет цветов, его головной убор откатился в сторону. Второй в восторге от своей удачи щелкает пальцами обеих рук. Некоторые из собравшихся выражают удивление, прикусывая указательный палец. Композицию завершает горизонтальный арык, протекающий через два прямоугольных

бассейна, в которых плавают утки.

И в этой миниатюре, как и в большинстве других, драматизм сюжета оставлен в стороне, взамен живописуются подробности придворной обстановки (3, с. 207-208).

Две иллюстрации к «Хамсе» Низами (1539—1543) выполнил **Мирза Али Тебризи**, сын Султана Мухаммеда. Обе они схожи по стилю с уже рассмотренными иллюстрациями. Одна из них изображает **художника Шапура, показывающего Ширин портрет Хосрова**, другая — **придворного музыканта Барбеда, который улаживает Хосрова своей игрой**. В первой из них автор несколько отходит от текста поэмы, по которой художник Шапур, посланный Хосровом к Ширин, находит ее в обществе подруг и невольниц на лужайке. Улучив момент, он подбрасывает портрет Хосрова, который девушки, найдя на пеньке, доставляют Ширин. На миниатюре же Мирзы Али на этот сюжет, воссоздающей обстановку современного художнику двора, Ширин принимает портрет из рук самого Шапура в присутствии гостей и придворных.

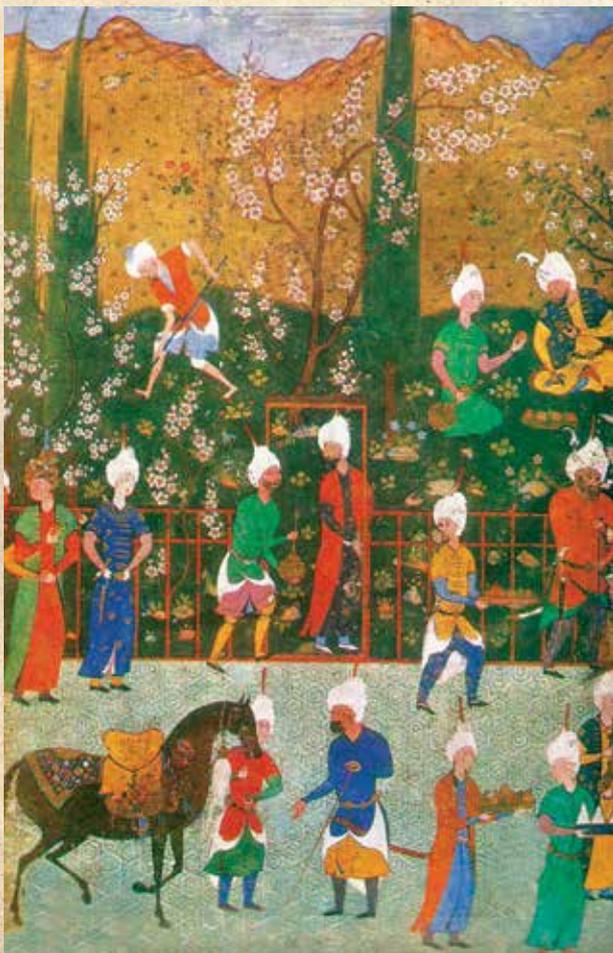
Художник показывает живописный сад с множеством подробностей, характеризующих обстановку сефевидского двора. На подмостке в форме многогранника, окруженном изгородью, мы видим множество людей в ярких одеждах. За площадкой - гористый ландшафт с цветущими деревьями и кипарисами. Через бассейн на переднем плане протекает прозрачная вода, в которой плавает утка.

Цветущие деревья, облака, плывущие, как лебеди, и вся обстановка с подвижными и нарядными фигурами создает радостный настрой. На площадке, устланной керамическими плитками, стоит трон, на котором восседает Ширин в изящной короне. Она протягивает руку к Шапуру, сидящему перед ней на узорчатой тумбе, держа в руке портрет Хосрова. Рядом с Шапуром стоит молодой человек с папкой в руке. Богато орнаментированный балдахин возвышается на деревянных шестах над тронном Ширин, золотая, звездообразной формы спинка которого вместе с ярко-голубым сиденьем и группой цветущих деревьев и вытянутых вверх кипарисов составляет главный композиционный элемент миниатюры. В эту сторону обращены находя-

щиеся в движении фигуры. Со стороны сада на трон обращены изумленные взгляды девушек — подруг и прислужниц Ширин. Оживленно переговариваются и отдельные группы присутствующих здесь персонажей. Гости и придворные сидят на полу, а некоторые стоят по разным сторонам площадки. На самом переднем плане идет приготовление шербета и других напитков. Прислужники суетливо готовят угощение и подают вино; один из них у прохода (у середины изгороди переднего плана) передает другому скатерть. Наверху конюший держит коня, на котором прибыл Шапур. В саду работает садовник, у которого ноги оголены до колен.

Хотя действие миниатюры происходит в Арране, вся обстановка и костюмы персонажей, как и в других миниатюрах данной рукописи, трактованы в духе современного художнику сефевидского двора.

И на другой, такой же весьма красочной и жизнерадостной по колориту, миниатюре *Мирза Али. Фронтиспис рукописи А. Джами «Лавлах». 1570—1571 гг. Левая часть*

Мирзы Али из этой рукописи действие происходит на открытом воздухе, в цветущем саду с платанами и кипарисами. Тоскующий в разлуке с Ширин царевич Хосров в окружении свиты и слуг слушает знаменитого придворного музыканта и певца Барбеда. По сюжету, искусство исполнителя пленяет всех. Но художник решает по-своему, создав очень оживленную композицию. Лица персонажей не проникнуты лиризмом, все вельможи и слуги заняты своим делом и музыканта не слушают. Хотя на картине воспроизведен сад шахского двора, рядом изображен простой дом, на балконе которого женщина баюкает ребенка, а мальчик стреляет из лука в птицу, сидящую на платане.

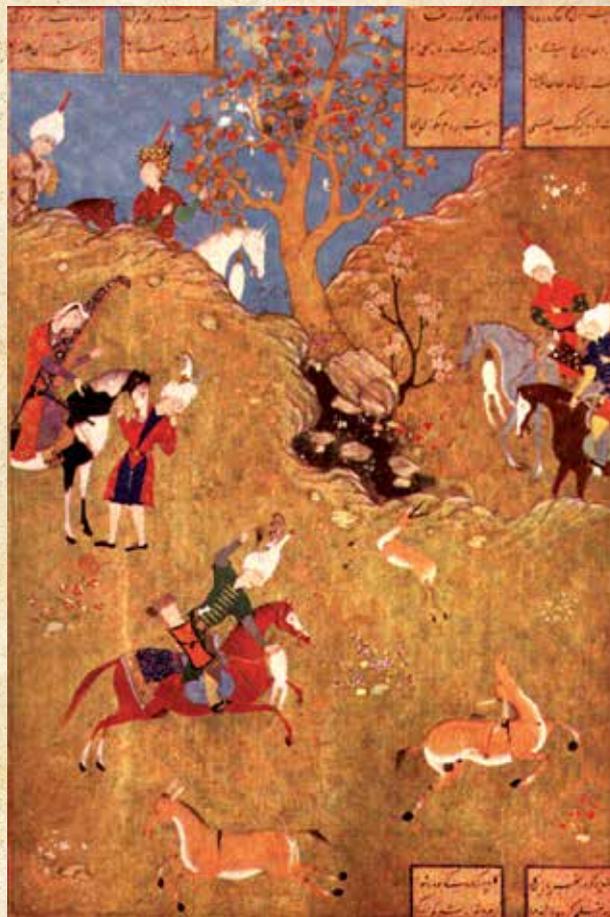
Эти мотивы, никак не связанные с текстом произведения Низами, свидетельствуют **о склонности мастера к реализму, к изображению близкой ему жизни простого народа и окружающей природы во всех деталях.** На переднем плане миниатюры протекает ручеек, берега которого усеяны кустиками, цветами и молодыми деревьями. Тут же богато украшенный мозаичный портал, кирпичный пол дворика огорожен изящной деревянной изгородью, а в центре площадки — бассейн в форме сложного медальона (З, с.207-208). В арке портала стоит Хосров, которого потчуют прислужники (*чаштигиры*), а перед порталом, с правой стороны его, — знаменитый музыкант Барбед, рядом сидит бубнист, аккомпанирующий ему. Позади музыкантов, у дверей собралась только что вошедшая группа персонажей с подарками Барбеду за его искусную игру. Этих людей сопровождает главный привратник (*эшик-агаси-башы*) - при сефевидском дворе это был важный вельможа, и поэтому придворный художник считал нужным включить в данную композицию и этот персонаж, который фигурирует и в некоторых других иллюстрациях к изучаемому списку «Хамсе» с изображением правителей. У входа смиренно стоят придворный лучник (*кемандар*) и сокольник.

Для миниатюр Мирзы Али характерно **вольное обращение с сюжетом ради внешнего декоративно-красочного эффекта. Дробность общего впечатления, перенасыщенность композиций деталями сближают его миниатюры с произведениями Ага-Мирека.**

Эта стилевая близость работ обоих мастеров дополняется единством тематики их миниатюр, изображающих дворцовую обстановку, самого государя или принца и их приближенных. Как художник-декоратор, расписавший также поля страниц рукописи «Хамсе», Мирза Али имеет привычку к пышной декоративности и перегружает свои миниатюры не только лишними персонажами в ярких одеждах, но и орнаментально-декоративными мотивами. Подобные миниатюры красочно украшают рукопись.

Преждевременная смерть Бахрама Мирзы в 1549 году развеяла все надежды на дальнейшее покровительство искусству со стороны сефевидских принцев, что привело к усилению волны миграции художников. Но, как это часто бывало в истории тюрко-монгольских принцев, вино и опиум неожиданно изменили ход событий. В начале 1556 года, посреди совещания с генералами Хумаюн задремал, упал с крыши и разбился насмерть. Этот случай, а также назначение Ибрагима Мирзы (1544-77) правителем Мешхеда несколькими месяцами позже существенно изменили ситуацию, **некоторые художники, переехавшие к Моголам, вернулись и приступили к работе в мастерской молодого и полного энтузиазма принца.** Будаг Мюнши сообщает о двух таких художниках - Мирзе Али и Шейхе Мухаммаде.

Недавно опубликованные миниатюры из **альбома «Гюльшан»** (Тегеран, дворец «Гюлистан»), **который был собран для могольского императора Джахангира** (годы правления 1605-1627) подтверждают мнение о кратковременном пребывании Мирзы Али у Моголов. Данная миниатюра обнаруживает характерные черты его стиля: волшебный и безмятежный вид сидящего короля, формы тюрбанов (выпяченные впереди с погруженными кривыми линиями сзади), его излюбленные тополя с желтыми и красными листьями, разделение толпы на взаимодействующие пары (например, в правом верхнем углу один из участников собрания непринужденно положил руку другому на плечо, а другой дружески обхватил его пояс), а также прекрасное чувство баланса, передаваемое путем изображения персонажей порой в неуклюжих позах (примером тому паж, подвешивающий фонарь на ветку тополя). Размер, основа композиции, позолоченные края

миниатюр напоминают миниатюры из «Хамсе» Тахмасиба. Особенно это относится к **листу, где Бахрам Гур демонстрирует свое охотничье мастерство - работа отца Мирзы Али.** Кроме того, обрамления миниатюр повторяют уникальность и последовательность цветов в «Хамсе»: (от середины к краям листа) золотистый, черный, натуральный цвет бумаги, красный, вновь натуральный цвет бумаги, зеленый, бледно-золотистый, затем две тонкие черные линии, а далее естественно- и темно-голубой. Они предназначались для «Хамсе», а также были включены в первый раздел альбома «Гюльшан» не позднее 1610 года. Вопрос в том, каким образом столь ценные миниатюры оказались в руках Моголов. По-видимому, отмечает автор, Мирза Али закончил работу над ними к моменту, когда Тахмасиб потерял интерес к живописи, или же для демонстрации своего мастерства взял их в качестве подарка Хумаюну при переезде в Индию.

Единственная миниатюра художника Музаффара Али в этом списке «Хамсе» Низами изображает **Бахрама охотящимся на дикого**

осла. Согласно сюжету поэмы «Семь красавиц», однажды на охоте к Бахраму Гуру обращается сопровождающая его музыкантша Фитнэ с просьбой поразить одной стрелой заднее копыто и ухо дикого осла. Бахрам выстрелил куском глины в ухо животного, не ранив его, и когда дикий осел поднял заднюю ногу, чтобы почесать ухо, тот метким выстрелом из лука пронзил одной стрелой его копыто и ухо. В миниатюре, воспроизводящей этот эпизод поэмы, помимо основных фигур изображены четыре всадника, два диких осла и серна. Как всегда, музыкантша Фитнэ предстает с арфой в руках, молодой паж придерживает за узду ее лошадь. Бахрам изображен на своем красном скакуне по кличке Ашгар. Он уже выпустил стрелу и попал в онагра, приколотив стрелой его ухо с копытом. С правой стороны миниатюры изображены сопровождающие Бахрама два всадника, вооруженные луком. Еще два всадника видны за горой; один из них и паж около Фитнэ прикусили палец от удивления в знак восхищения меткостью Бахрама. Всадник на белом коне в узорчатом головном уборе, вероятно, представляет придворного, которому, согласно сюжету поэмы, было поручено казнить Фитнэ.

Однообразное поле и горы украшены цветущими кустиками и крупным платаном, мимо протекает ручеек, на дереве сидят птички. Тонкость колорита, нега в позах персонажей, верность передачи движения отличает и эту миниатюру из «Хамсе» Низами.

Музаффар Али как мастер тонкой живописи любит более спокойное небо, избегает вычурных фантастических облачков. Обыкновенный холм в его миниатюре покрыт редкими кустиками, среди которых высится одиночное деревце. Он предпочитает простую, незамысловатую композицию с большим числом персонажей, больше держится сюжета поэмы. В то же время, стремясь следовать общему декоративному стилю остальных миниатюр рукописи, он вводит в свою композицию несколько персонажей, отсутствующих в тексте, чем уравнивает ее и изобразительно истолковывает повествование.

Именно в иллюстрациях «Хамсе» Низами 1539-43 годов школа шаха Тахмасиба достигает своего апогея. Миниатюры этой рукописи, соперничающие между собой в великолепии и

виртуозности, несут на себе печать авторства лучших мастеров эпохи. В совокупности эти работы превосходят все остальные иллюстративные подборки рукописей своего времени и представляют в своем роде блестящее обобщение, резюме, квинтэссенцию сефевидского искусства эпохи расцвета. Они доказывают, что годы молодости шаха Тахмасиба (ему было тогда около 30 лет) были временем наивысшего развития искусства XVI века.

Таким образом, **«Хамсе» сочетает в себе миниатюры лучших мастеров шахской школы Тебриза. Сюжеты самые разнообразные**, включая и официальные приемы, и царские празднества, и пейзажные панорамы, а также и жанровые сцены, как в миниатюре Мир Сеида Али **«Меджнун перед шатром Лейли»**, где дается широкая картина кочевой жизни, созданная с замечательно тонкой наблюдательностью. Миниатюры рукописи представляют кульминацию стиля, поскольку вскоре после завершения работы над рукописью столица государства была перенесена в Казвин, куда переехали двор и дворцовая библиотека. Это существенно отразилось на ритме работы мастеров. ✨

ЛИТЕРАТУРА

1. Stchoukine I. Les peintures des manuscrits Safavides de 1507 a 1582. - Paris, 1959. - 299 p.
2. Гасанзаде Дж. Тебризская школа в контексте мусульманской миниатюрной живописи. XIV – I половины XVI вв. Баку, «Оскар», 2000.
3. Казиев А.Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII-XVII веков. Москва, 1977.

The article gives a brief description of miniature illustrations for the manuscript "Khamasa" ("The Five") by Nizami (1539-1543), which coincided with the highest flourishing of the miniature school of Shah Tahmasib. These miniatures were created by six prominent artists of the time, including the head of the school of Shah Tahmasib, Sultan Muhammad. It is noted that artists often digress from the text and the ideological content of the poems that are illustrated in favor of external brilliance and depiction of domestic, psychological and other details, which allows them to show off their talent.